КУЛЬТУРА

ФИАЛКА МАРТА

ВСТРЕЧА

Прошлая осень выдалась промозгло-сырой. Октябрьские листья у Дворянского гнезда лежали на земле растоптанные, но всё равно отсвечивали, словно золотой паркет.
С неба сочилась невидимая глазу морось, никого вокруг не было, лишь девушка-пичужка на стульчике под большим зонтом и с этюдником. Ясно, художница-экстремалка.

— Артистам скидка! — нежданно весёлым голосом сказала она мне, мрачно бредущему прочь от обыденности. — Видела где-то ваше лицо, только вот в каком театре...

— Да, я артист всех больших и малых театров, — отшучиваюсь знаменитой киношной фразой Куравлёва-Милославского.

Не знаю, почему не прошёл мимо, почему сел у мольберта. Наверное, потому что на зонте были нарисованы морские волны и огромные яркие пальмы, вдрызг озябшие под нашей мглистой осенней мокрядью.

— Долго сидеть-то?

— Если всерьёз и в цвете, то часа полтора, а если шарж дружеский, то и получаса хватит. Потерпите?

Она не просила, просто предлагала.

— Шаржи люблю. Как звать-то? Оля? Что ж ты, Оля, так рискуешь здоровьем и в такое безвременье да безлюдье забралась?

— Что делать, вы, может, мой последний клиент в этом сезоне. Опять идёт зима-полукорм.

Сразу вспомнил старинное грустное слово "январь-полукорм". С этого месяца и до самых майских щавелей пол-Руси жило почти впроголодь.

Но она смотрела без грусти, она уже работала, глаза цвета черёмухового мёда обрели строгий прищур. А я разглядывал её, щуплую, темноволосую, — и в груди нарастало колотьё.

Честное слово, ненавижу чувство жалости, потому что оно порой мгновенно, порой врастяг, что ещё больней, разрывает тебя изнутри... Чаще всего я трусливо убегаю от этого чувства.

— Так-таки и полукорм?

— Да я привычная. В девяностых, как гиперинфляция ударила, пол-лета одним, считай, подорожником питалась. Салатики из него делала.

Не поверил своим ушам.

— Уши, уши мне побольше нарисуй, Оля! Я, может, оглох: какой подорожник, милая? Чай, не после войны...

— А после чего же? Диплом художницы в кармане, а ни мастерской, ни работы, ни родственников, один папа-пенсионер. Вот и пошла на улицу, портреты рисовать. Натерпелась поначалу...

Разговор распухал, словно ушиб; разлетался на острые слепящие куски, будто смертельно больная галактика после Большого взрыва.

Оля между тем улыбалась, нисколько не боясь своих слов.

Рассказала, как каждый день к ней приставали: то якобы милиционер (удостоверение фальшивое, с фиолетовой надписью, а надо, она выяснила, обязательно с чёрной); то угрюмый "авторитет"-вымогатель, которому никакое удостоверение не надобно, оно у него на лице нарисовано; то просто пьяный, а то и двоетрое.

— Блондинка я была, а на светловолосых у нас кидаются, словно какие-нибудь ирокезы. Перекрасилась, стала одеваться попроще, да и с каких денег наряды? Весь летний заработок — на еду...

— А зимний?

— Зимнего почти и вовсе нет. В квартире много не нарисуешь: клиента надо в людных местах искать, в парках да по выходным. И то порой за весь день ни одного не найдёшь.

Удивительная её доверительность пленяла крепче медовых глаз. Притом сразу почувствовалось, что не на сострадание бьёт, потому как и голос её, и уверенные манеры говорили о натуре сильной.

— Нищенка подошла, глянула: "Ну, ты, дочка, не пропадёшь". А я думаю: "Ещё как пропаду...". Презирала своё занятие, мечтала ведь о настоящем творчестве. Но теперь знаю: на пользу всё. Рука хорошо разрисовалась. Я даже выставку сделала.

Взял её телефон, ещё пару шаржиков заказал, попросил рисунки показать.

— Зимой папина пенсия, хоть он и учёным был, вся целиком на коммунальные платежи уходит. А я друзей рисую или просто фантазирую. Пейзажи? Нет, они не идут, люди больше всего на свете свои портреты любят. Лучше фантазировать, думать на бумаге, необычные миры создавать.

Посмотрел я на те фантазии: чуть не умер от глаз, нарисованных в виде букета фиалок, от двуликой луны с образами сразу двух женщин — задумчивой и мечтательной.

В свои "необычные миры" Оля порой включает себя; причём не боится автошаржей, иногда довольно странных, сверхироничных.

— Так я сбрасываю дурную энергию, чтобы не изливать её на других.

Тоже знак прочного характера. Особенно если учесть, что большинство самонадеянных дам носится со своей красотой как с писаной торбой и может устроить истерику из-за любого "неправильно" нарисованного волоска в причёске.

Умение "первым посмеяться над собой" — свойство сильных личностей. Поскольку сильны далеко не все, действует непременный закон:

— Себя рисуй, как хочешь, хоть тёмно-полосатой, хоть вообще демонической; зато клиента — обязательно светлым и радостным.

Может, ещё и поэтому портреты все разные, но все красивые, словно у Шилова; хотя Шилова Оля вовсе не обожает.

— Я люблю работать пастелью: она нежная, тонкая, женственная.

Дома у неё кавардак, как у истинного художника. Кот чуть не толще самой хозяйки: повадился лапой кастрюльки открывать и выгребать единственное вкусненькое: знает, что особо не накажут.

Этакого нахала в шею шерстяную гнать надо, а Оля увидела на улице ещё кошечку, так даже объявление о ней дала и бездомную животинку пристроила.

У нас нашлось немало общих знакомых, иных я зело не уважаю, о чём ей и сказал; но Оля в ответ ни о ком худого слова не обронила, не поддакнула.

Поразительно, она вообще ни о ком плохо не говорит, хотя, как призналась, до болезненности обидчива. Только про те обиды ни один обидчик не ведает.

Видно, здорово работает её "сброс дурной энергии".

— А почему артистам скидка?

— Обожаю театр, долго хотела в артистки, в "Фиалке Монмартра" себя представляла. Но меня даже в самодеятельный народный театр не взяли. Может, слишком молода была и не проявила настойчивости; может, не увидели во мне нужной для театра экспрессии. А может, просто потому, что не умею притворяться...

Чёрт побери, и при таком характере она делает наш унылый серый мир столь цветным. Её экспрессия сполна реализовалась и в поступках, и в картинах, таких вроде бы спокойных и милых, но пробуждающих целую гамму чувств.

— Жду не дождусь мартовского половодья: с него начинается мой сезон.

— Опять будут цыгане, которых нарисовала, а у них якобы не нашлось денег? И опять разбитной дядька, который сначала заплатил, а потом во время позирования стал "ободряюще" материться?

— Нет, уеду на несколько дней в какой-нибудь городок, часто так делаю. Я пастелью овладела, это сложная техника, мужики-"карандашники" даже ревнуют. Да и вообще в Орле почему-то люди с неохотой рисуются...

В других городах тоже несладко. Одинокую художницу обидит каждый. Правда, и Оля не промах. Как-то охранник потребовал нарисовать его бесплатно; она сделала карикатуру, от которой другие охранники покатились со смеху. Но уйти с того места вскоре пришлось.

А однажды вместе с заказчиком спряталась от дождя в каком-то кафе. Вытурили, поскольку у терпеливого заказчика деньги были только на портрет.

— Ладно, давай что-нибудь повеселее. Романтические мужчины попадались?

— Рисуются в основном дети и девушки. Но и принц попался, это верно. Разговорчивый, воркующий. Я очень старалась сделать его портрет получше; а на другой день увидела его в парке с девушкой; так и не глянул в мою сторону.

Смеюсь сердобольно:

— Ну, милая, он же тебе признаний не делал, обязательств не брал.

— Понимаю, тут всё честно. Хуже, когда то мелок цветной стащат, то стул раскладной... Нет, не советую девушкам рисовать на улице.

И даже фамилию свою попросила не указывать.

А меня так покорила эта Фиалка, ждущая весны... Женщина, рисующая на площадях и аллеях, — это же изюминка любого асфальтового селения, изнывающего от самого себя; это яркий и мягкий — именно пастельный — штришок.

И ещё это признак большого цивилизованного города, по которому радостно ходить и удивляться.

Вселенная нашей жизни не должна быть застывше-больной; она должна быть целебной, праздничной, давать нам всё больше открытий. А женщина — лучший из первооткрывателей.

Как Оля, несмотря ни на что, всегда верящая в жизнь, в людей, делающая их, таких обыденных, такими чарующими.

Юрий ОНОПРИЕНКО.
На снимках: работы орловской Фиалки.

ДАТА

В ГОСТЯХ У ДМИТРИЯ БЛЫНСКОГО

В литературу Дмитрий Блынский вошел в конце пятидесятых прошлого века и сразу же, с первого сборника (1957), заявил о себе как о проникновенном поэте-лирике, чей чистый, подкупающий голос пришелся по душе читателю и был по достоинству оценен критиками.

От книги к книге (при жизни издано пять поэтических сборников) Дмитрий Блынский обретал новые ритмы и интонации, раскрываясь как поэт яркого поэтического звучания, страстного гражданского темперамента.

Большой праздник, посвященный 75-летию со дня рождения поэта, состоялся на родине Блынского, в Васютине Покровского района. Во Внуковском Доме культуры собрались многочисленные поклонники и почитатели его творчества, любители поэзии всех возрастов. Земляки Блынского, родственники, среди которых присутствовала сестра поэта Валентина Ивановна, работники культуры и образования, местные и орловские поэты выступали с воспоминаниями о жизненной и творческой судьбе знаменитого земляка, в проникновенных стихах воспевшего красоту родных просторов и свои чувства, вызванные ею.

Поэзия Дмитрия Блынского прошла "завистливую даль" многих десятилетий и продолжает оставаться живым явлением отечественной словесности.

Заключительный аккорд праздника — концерт художественной самодеятельности, подготовленный работниками местного Дома культуры и Дросковской детской школы искусств.

Петр ГАПОНЕНКО.
Кандидат филологических наук.

ВЫСТАВКИ

Фото Вячеслава МИТРОХИНА.

«РАЗБОЙНИКИ» В МУЗЕЕ

В музее Т.Н. Грановского проходит выставка работ известного орловского художника В.М. Ромашова. Серия гравюр под названием "Славянская мифология" была создана в 2006 году в стиле лубка.

Художник выступает не только как автор гравюр, но и дает пояснение изображаемому. Под каждой работой — текст, в котором достаточно иронично дается описание каждого из героев. Своим персонажам В.М. Ромашов добавил "новорусские" характеристики. Например, старик, восседающий на золотом троне, — Кощей Бессмертный — "враг Пенсионного фонда № 1. Живет один в Подмосковье, на Рублевском шоссе, в хорошо охраняемом коттедже в русском стиле. Хитер, но неопасен". А "Соловей-разбойник" — уроженец города Орла. Долго занимался рэкетом. В разборке с Ильей Муромцем проиграл и был посажен в тюрьму.

Выставка продлится до апреля.

Елена КОВАЛЬ.

Писатель Валентин РАСПУТИН: «ДУША БОЛИТ...»

15 марта исполнилось 70 лет классику отечественной литературы Валентину Распутину. Президент России Владимир Путин накануне юбилея наградил писателя орденом "За заслуги перед Отечеством" третьей степени. Награда вручена "за большие заслуги в развитии отечественной литературы и многолетнюю творческую деятельность".
К юбилею легендарного писателя-деревенщика на телеканале "Культура" будут показаны художественные фильмы "Прощание", "Василий и Василиса" и документальный фильм "Во глубине Сибири. Валентин Распутин". Публикуем отрывки из рассказанного писателем в этом фильме.

Самое важное, что я имел все-таки смелость и ум родиться в глухой Сибири... В деревне, где все еще присутствовало — язык, и старые обычаи, и традиции, и люди, как говорится, прежней еще формации. То есть они были совершенно не испорченные...

Отец работал начальником почты, и случилась у него недостача... Ехал на пароходе, выпил, и у него срезали сумку с деньгами. Деньги небольшие, но за эти небольшие деньги давали большие сроки. Пришли описывать имущество... Но какое у нас было имущество? У матери — только зингеровская машинка швейная. Но деревня помогла: разнесла наше нехитрое имущество по своим избам. Описывать уже было нечего... Бедность. А потом деревня принесла больше, чем у нас было! Вот какие были отношения. Выживали вместе. Иначе было нельзя.

После смерти Сталина отец вернулся, работал в леспромхозе. Но здоровье было уже не то. На Колыме он работал в шахтах, это не так-то просто... Мы жили вместе с бабушкой. Бедно жили... Вся деревня жила бедно. Но выручали тайга и река... Я пропадал целыми днями на реке...

(Про рассказ "Уроки французского"): За прототипом далеко не надо было ходить. Этим мальчишкой был я. Там вымысел большой, конечно, был. Учительница не играла со мной на деньги. Но помогала. Посылку с макаронами отправляла... Она этого не помнит, но я-то помню...

Для деревенского парня французский язык, все эти прононсы, произношение... не всегда у меня это получалось... Но постепенно я набирал и говорил неплохо. Позже, когда был во Франции, моего языка было достаточно, чтобы объясняться... Но я очень любил... Какие-то стихи заучивал... Я, деревенский парень, изучаю французский язык... Это поднимало меня на неимоверную высоту. В XIX веке только дворяне могли говорить по-французски, а тут я изучаю... Особенность какая-то... Может, это и подвигло меня к тому, что я стал писать понемногу.

Я всегда себя чувствовал свободным. Свобода — это понятие все-таки личностное, внутренняя свобода должна быть. Я не заставлял себя о чем-то писать. Однажды, в 1970-е годы, денег не было совсем, я пошел в издательство, заключил договор на очерк о стройке коммунизма. Усть-Илим или Абакан — Тайшет. А кончилось тем, что я написал "Живи и помни". Спрашивают: "А где очерк?" Я говорю: "Принес повесть — берите или не берите". Я и не думал писать об этом. Мне просто надо было выйти из положения тогда, взять немного деньжонок. Но я их отработал. Я принес им рукопись, которая была ничуть не хуже, чем о стройках коммунизма, так мне казалось.

Деревенщиков было немало, и я примкнул к ним... Примкнул и почувствовал себя удобно. Это был мой язык. Это была моя тема. И приобретенные в журналистике навыки сразу отошли на задний план, потому что это было не мое. Когда сегодня приходится смотреть, чем я занимался прежде, не то чтобы становится стыдно, а какая-то неловкость возникает. Фальшивая подъемность. А в деревенской литературе фальшивить уже было нельзя. Да и не требовалось этого. Читатель этого и не требовал, и не ждал...

Среди русских названий, самых распространенных, коренных, название "Матёра" существует везде, по всем просторам России. Есть оно и у нас в Сибири. Я его со смыслом взял. Должно же название что-то обозначать. Фамилия должна что-то обозначать, не просто случайная фамилия. А тем более название старой деревни, старой земли.

Родина уезжала уже, родина затоплялась — это "Прощание с Матёрой". Вот эта работа была для меня главной. Ни рассказы, никакие другие повести. Вот для этого, может быть, я и нужен был. Для этого я как-то и сберег себя.

Для меня очень важно эмоциональное воздействие на читателя. Потому что литература обладает вот таким электрическим воздействием... Пожар в человеческих душах. Вот моя деревня — когда ее перенесли, она превратилась в леспромхоз. Делать там было больше нечего, только лес рубить. Вы знаете, занятие ведь тоже влияет и на настроение человека, и на качества его. Хорошо зарабатывали, но пьянка была, жуткая совершенно пьянка, какой сейчас даже нет. Это 70—80-е годы. Вырубать лес — это дело все-таки не благодатное, не Божеское. А все Приангарье только и зарабатывало на этом. Менялась нравственная атмосфера. Это меня поразило и заставило написать "Пожар".

"Сибирь" надо было написать. Это не публицистика, это очерки. Публицистика — это другое. Публицистика — это когда надо, чтобы кипело все. В очерке надо вести спокойный разговор. Конечно, Сибирь огромная. В книге семь очерков, их недостаточно. Есть Тобольск, есть Байкал, есть Иркутск, Кяхта, Горный Алтай, но этого мало. Я написал еще один очерк о Лене. Писался он в начале 90-х годов, когда так неспокойно все было и такая боль стояла... Бывало так, что я сплю и во сне чувствую, что болит... Сердце болит, душа болит.

Валентин Распутин родился в Иркутской области, в поселке Усть-Уда на Ангаре. Детство писателя прошло в деревне Аталанке. Как и многие другие, она ушла на дно рукотворного Братского моря, что впоследствии Распутин пронзительно описал в повести "Прощание с Матёрой". Тема бездумного хозяйствования на родной земле его постоянно волнует. "Сегодня пора спасать Сибирь, — писал он. — Огромная и надорванная, величественная и бессильная, многоязыкая и разрозненная, дно золотое и бедность, неуютность, разворошенность — она, теряющая надежду, быть может, глухо и затаенно ждет или решительной помощи, или нашего последнего вздоха, чтобы начать все сначала".
Первая заметка писателя в газете появилась в марте 1957 года, когда он учился в университете на факультете журналистики. В альманахе "Ангара" стали печататься его очерки, там же в 1961 году появился его первый рассказ "Я забыл спросить у Лешки...". Первая книга "Край возле самого неба" вышла в 1966 году в Восточно-Сибирском книжном издательстве. Через год его приняли в Союз писателей СССР.
Распутин при жизни признан классиком, его творчество известно во всем мире. Он автор таких замечательных произведений, как "Деньги для Марии", "Последний срок", "Прощание с Матёрой", "Пожар", "Живи и помни". За последнее произведение в 1977 году Распутин получил первую Государственную премию СССР (вторую он получил через 10 лет).
В последние годы писатель снова вернулся к литературе. Долго и трудно работал над повестью "Дочь Ивана, мать Ивана", где героиня, не дождавшаяся наказания обидчика своей дочери, доводит дело до самосуда.
Писатель является Героем Социалистического Труда, награжден орденами Ленина (1984), Трудового Красного Знамени (1981), "Знак Почета" (1971). Распутин — лауреат Международной премии имени Федора Достоевского, премии имени Солженицына.

ОТКЛИК

ЭТО НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО!

Настоящим событием стало выступление у нас в городе на сцене Орловской государственной филармонии музыканта высокого класса пианиста Александра Пироженко.

Александр Пироженко — выпускник Санкт-Петербургской консерватории, лауреат многих всероссийских и международных конкурсов, проходящих в России, США, Германии, Великобритании, Испании.

Орловские ценители музыки восторженно отозвались о выступлении музыканта. Вот что сказала преподаватель Орловского музыкального училища Т. Перелыгина: "Александр Пироженко представил программу, требующую не только мастерства, но и смелости. Исполнение произведений Шумана и Скрябина заставляет публику быть пристрастной, вслушиваться пристально. Все, кто был на концерте, оказались едины в своих впечатлениях: "трудный" филармонический рояль пианисту не только подчинился — он звучал феерически".

Декан факультета художественного творчества ОГИИК Л. Дугина отозвалась так: "Вдумчивое, углубленное отношение к музыке позволяет этому талантливейшему музыканту по-новому, по-особенному интерпретировать такие известные пьесы Шумана, как "Вечером", "Порыв", "Отчего". В них открываются новые грани. Настоящим музыкальным примером можно назвать исполнение "Пляски Смерти" Сен-Санса (обработка Ф. Листа и В. Горовица). Уникально, виртуозно, мощно".

Орловские любители музыки мечтают, чтобы А. Пироженко снова приехал на Орловщину (кстати, музыкант выступил с концертом и в орловской глубинке), и сочувствуют тем, кто не слышал его выступления.

Анжела САЗОНОВА.